

6 коп.

Ю.ЩЕРБАКОВ

Высотный

Почук

Ю. ШЕРБАКОВ

Высотный почерк

Нижне-Волжское
книжное издательство
Волгоград—1965

Вовка Дудкин любит родное село, у него много друзей. С ними он фотографирует передовиков для Доски почета, изобличает сторожа колхозного сада, ворующего яблоки, собирает металлолом.

Обо всех приключениях Вовки и его друзей, умеющих находить увлекательное рядом, вы, ребята, сможете узнать, прочитав книгу Юрия Щербакова «Высотный почерк».

Юрий Михайлович Щербаков по профессии — учитель. В нашем издательстве уже вышли его книги для детей — «Про луну и про весну», «Яблонька».

О том, понравилась вам книга или нет, а также все свои замечания пишите нам по адресу: Волгоград, ул. КИМ, 6, Нижне-Волжское книжное издательство, редакция художественной литературы.

Кто как книги выбирает

Все ребята книжки выбирают по-разному. Некоторые копаются-копаются на книжных полках — так ничего и не найдут. Например, Нина Чеснокова. Она уж теперь и не берется сама искать, а как приходит в библиотеку — просит Анну Михайловну подобрать ей книжек.

А есть ребята, наоборот, любят выбирать сами. Вот, например, Толька Кленов. Он может целый день шарить по полкам. Если за пять минут до перерыва Анна Михайловна его предупредит, он берет тогда книги, какие уже отложил, а то бы еще искал. Он любит читать про путешествия, приключения, про героические подвиги.

Анна Михайловна знает, кому какую книжку стоит

прочитать, и сама предлагает, но кто соглашается взять, а кто и нет.

Тогда она зовет меня:

— Дудкин! Иди помогать!

И я начинаю помогать.

— Мишка! — говорю, — возьми повесть «Отважные».

Он отвечает:

— Э-э, она тряплая. Еще листки растеряешь!

— Ну, «Зеленый луч». Очень интересная книга!

— Ее Васька брал.

— А ты сам-то читал?

Мишка молчит. Потом:

— А она военная?

Я говорю:

— Очень военная!

— Ну, давай!

Анна Михайловна записывает Мишке «Зеленый луч», а я уже с другим читателем работаю

— Ванек, — говорю, — возьми вот эту. «Лодочка-моторочка» называется.

А Ванек говорит:

— Эту нам Никасилич читал!

«Никасилич» — это скороговоркой, а на самом деле это значит Николай Васильевич, их учитель.

Тогда я спрашиваю:

— А «Деда Макабку» читал?

— Не-а! — с удовольствием отвечает Ванек.

— Ну, бери! Мировая книжка!

Прибежал первоклассник Петров, положил книжки на стол. Анна Михайловна берет их и спрашивает:

— Где ты взял эти книжки? Я тебя ни разу не видела еще.

А он:

— Это я у вас вчера брал... займы.

— Как?

— Да займы.

— Это значит без записи?

Он молча кивает.

— Так давай же запишемся. Тебя как зовут?

А он:

— Кто как. Кто Володькой, кто Вовкой.

Этот Вовка Петров оказался хорошим читателем. Он берет любую книжку, какую ему предлагаешь, и прочитывает всю: от начала до конца. Сколько раз спрашивал его — он рассказывает, о чем прочитал.

А вот Вера Холстова, что из третьего класса, прибежала как-то в библиотеку и говорит:

— Анна Михайловна, не давайте мне «столбиком»! Мне книжку «в строчку»!

«Столбиком» Вера называет стихи.

А ее подружка, Таня Слонова, просит:

— А мне дайте «столбиком». Так скорее читается, а «в строчку» — очень долго...

Пришел Сенька Зубцов, положил книги и забубнил:
— Губа болит. Читал вслух, губа от чтения и заболела.

Это он, конечно, в шутку, что губа заболела, это он чудака такой. А что не умеет про себя читать, так это правда: когда читает — всегда губами шевелит.

Сенька Зубцов выбирает книжки по картинкам. Если нет картинок, или если картинки неинтересные, значит, он говорит, книжка плохая, и он ее ни за что не возьмет. Еще он смотрит, сколько раз книжка выдавалась. Новую, никем еще не читанную он тоже не возьмет, скажет:

— Э-э! Ее никто еще и не брал! Поди, неинтересная.

Ленька Щепкин сам никогда не выбирает. Он всегда придет и слушает, что другие читатели про книжки го-

ворят. Как услышит, что кто-нибудь похвалил книжку, так норовит ее перехватить. И так он стоит и спрашивает у ребят, кто за какой книжкой пришел. Услышал про книжку «Дым в лесу» и кричит:

— Анна Михайловна! Мне — «Дым в носу»!

Все засмеялись, а Ленька и не понимает, отчего всем смешно стало.

Наконец, Щепкин спрашивает:

— Анна Михайловна, есть хорошие книжки?

— Конечно, есть!

И Анна Михайловна начинает предлагать ему книжки про ребят. А Ленька слушает без интереса и говорит:

— Мне воененькую какую-нибудь.

Я посоветовал ему «Босоногий гарнизон». Он взял, расписался, отдал ручку и опять говорит:

— Еще какую-нибудь. Это чего? Эту я сейчас приду — и до вечера прочитаю.

Анна Михайловна сказала ему, что так читать нельзя, а он тогда взял со стола толстую книжку, такую, как две наших «Родных речи» вместе сложить, и говорит:

— Мне вот такую — на полдня не хватит.

Анна Михайловна перестала улыбаться и говорит:

— Что за толк от такого чтения? Так можно за неделю всю библиотеку прочитать, а пользы — никакой!

Щепкин доказывает, что все понимает и любую книжку прочитанную может рассказать.

Анна Михайловна нашла интересную книжку, спрашивает у него:

— Читал?

Он говорит:

— А ну-ка покажите!

Она показывает. Ленька берет книгу и долго-долго листает ее, узнал какую-то картинку и во весь рот улыбается:

— Читал!

А был случай, что взял он книгу, а на другой день принес обратно: оказывается, читал ее, только книжка была в другой обложке и с другими картинками, поэтому он сразу ее не узнал: он ведь не помнил названий.

Ленька спросил что-нибудь про шпионов или про разбойников. Взял «Собаку Баскервилей» и пушкинских «Братьев-разбойников» и спрятал за пазуху.

Анна Михайловна говорит:

— Почему за пазуху, а не в сумку?

А он:

— Чтобы дед не видел. Он ругается. Говорит: «Сам как бы разбойником не вышел».

Вот так и идет дело.

А сам я люблю больше всего читать фантастические книги, особенно про полеты в межпланетное пространство. Про разные приключения тоже люблю читать. И Женька с Колькой, мои друзья, такие книжки очень уважают и еще — военные. И все мы любим читать про ребят.

Высотный почерк

Концерт, который в нашем клубе давали старшеклассники Вязовской средней школы, мне очень понравился. Домой пришел веселый. Влетел в коридор. Мама пол мыла. Я снял сапоги, вошел в комнату. Папа одевается за водой идти. Бабушка молоко Туське кипятит на плитке. Все молчат и какие-то сердитые, одна только Туська играет весело со своими медвежатами плюшевыми. Это моя пятилетняя сестренка. Ее Ритуськой зовут, а я сокращенно называю Туськой. Немного погодя, бабушка говорит, что была учительница, Альбина

Матвеевна, сказала, что поставит мне двойку по арифметике, и принесла тетради, показывала чужие и мою. Моя хуже всех. Сказала, чтобы все переписал, а то будет двойка. И еще бабушка говорит, зачем я такой неряшливый и невнимательный. Мама пришла, начала ругать, а папа молчит, но я-то знаю, что он тоже недоволен. Мне было все это так обидно. Но потом я вспомнил и говорю:

— У вас всегда получается, что я хуже всех, что я не ем да не учу. А другие что, лучше?

И еще я говорю:

— Я пришел к Кольке Кобычеву, а мать ему: «Ты худой да грязный, смотри, какой Вовка Дудкин!..» А Женьке Кортуну мать тоже говорит: «Смотри на Вовку Дудкина, какой он аккуратный!». А вы мне говорите: «Смотри, какой Женька Кортун да какой Колька Кобычев!..»

Папа ушел с ведрами за водой, а когда принес воду, говорит мне:

— Но ведь двойку-то кому хотят ставить? Ведь не Кольке и не Женьке, а тебе!

Значит, папа все время, пока ходил к колодцу за водой, про мою двойку думал.

Я говорю:

— Ну, папа, раз не понимаю!

А он говорит:

— Добиться надо, чтобы понял. Я, бывало, с товарищами целыми днями на крыше сидел...

Тут папа усадил меня рядом с собой на диван и говорит уже совсем не сердито:

— Бывало, залезем на крышу, учим уроки. С крыши все кругом видать, а мы воображаем, будто мы в дальнем плавании на пароходе или на самолете летим. И вот в пути уроки учим. Представляешь, как интересно?

Я говорю:

— Вот здорово!.. А вчера знаешь, почему я не понял урок?

И я рассказал, как Юрка на уроке рисовал в тетрадке человечков. Он здорово рисует. Сидит серьезный, а рисует очень смешные рожицы. И я, как увидел, забыл про задачи и стал смотреть на человечков. Смотрел-смотрел, да как рассмеюсь! Если бы не на уроке, — может быть, и не смешно было, а на уроке — прямо лопнешь!

Папа нахмурился, и, наверное, у нас получился бы неприятный разговор, но в это время из другой комнаты выбежала Туська и громко сказала:

— Слушайте, какую я песню сочинила:

Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда будет папа,
Пусть всегда будет баба,
Пусть всегда будет Вова,
Пусть всегда буду я.
Пусть все будут!

Папа сказал:

— Очень хорошая песня!

А Туська уселась к нему на колени и стала рассказывать сказки. Она их сама очень здорово сочиняет. Она рассказывала-рассказывала, а папа улыбался и хвалил ее за сказки. Так он и забыл, наверное, о моей двойке. И хорошо, что забыл.

После этого прошло недели две. Я все боялся, что Альбина Матвеевна рассадит нас с Юркой на разные парты. Но ничего, не рассадил. Мы ведь с Юркой со второго класса за одной партией сидим. Я люблю наблюдать, как он пишет. Он пишет не так, как учили. Он пишет совсем по-другому, — наверно, у отца срисовывает. Учительница его за это ругает, а мне нравится, как он пишет.

Папа возмущается:

— Почему Юрка у тебя не копирует, а ты у него копируешь?

Между прочим, я где-то читал, что характер человека отражается в его почерке. Но ведь характер вырабатывают? Значит, и почерк надо вырабатывать! А папа говорит: «Пусть сам вырабатывается». Пиши, говорит, как в школе учат, а когда вырастешь — будет у тебя и свой почерк.

Вчера сдал я домашнюю работу по русскому языку, а учительница посмотрела и говорит:

— Это кто тебе писал?

Я отвечаю:

— Никто. Сам.

А учительница:

— Нет, это не ты писал. Совсем не похоже на твой почерк. Ты у кого-нибудь срисовывал?

Я говорю:

— Да ни у кого, Альбина Матвеевна, не срисовывал. Просто это от высоты.

Альбина Матвеевна не поняла:

— От какой такой высоты?

Я говорю:

— Недавно в газетах печатали про космонавта Валерия Быковского. Там ясно сказано, что на земле у него один почерк, а в космосе при невесомости — совсем другой.

Альбина Матвеевна улыбнулась:

— Но при чем тут твой почерк? Ты же не в космическом корабле писал?!

Тут за меня отвечает Кортун:

— А он, когда писал, не на земле был. Он на сарае сидел. Мы с ним теперь все уроки на сарае учим.

Ребята засмеялись, а учительница спросила, зачем мы лезем на сарай учить уроки.

Я сказал, что с сарая лучше видно. Учительница, похожему, все равно не поняла, потому что я еще не все ей объяснил, а она уже говорит:

— Нельзя, Дудкин, коверкать почерк! Кончишь школу — будет, возможно, у тебя и настоящий высотный почерк, как у космонавта Быковского.

Я подумал, что теперь опять меня дома будут ругать за почерк, как тогда за арифметику. Я ведь хотел, как лучше, это только пока у меня вышло плохо...

А все-таки здорово учить уроки на сарае! Там усидчивости больше. Залез — значит, сиди, никуда не убежишь. Вот только плохо высота на почерк влияет!

Что такое лом

Пришел ко мне Колька, хотели пойти в лес, поиграть в леших — это значит ползать по деревьям, — но вдруг вспомнили, что Альбина Матвеевна велела всем собирать металлолом.

— Вот это номер! — сказал я. — Как же это мы чуть не забыли?

Мы вышли с Колькой на улицу. А там Валерик Зубцов и Сенька Никитин везут полную тележку лома. Где они столько набрали? Мы с Колькой даже переглянулись. Я спросил:

— У вас есть тележка?

Он говорит:

— Есть!

Но сначала мы решили забежать за Женькой. Подходим к Женькиной калитке, видим: сидит он на скамейке под яблоней. Скучный, невеселый. Мы открыли калитку, вошли во двор, но Женька как будто и не узнал нас. Ведь он обязательно должен был или язык показать, или улыбнуться во весь рот, а он сидит, втянул живот и головой никуда не поворачивает, будто кто его сзади за уши схватил и держит. Что такое с ним?

В это время из дома вышел его отец, в руках у него коричневый пузырек и щипцы-кусачки. Он подошел к Женьке и потрогал его за ухо. Женька продолжал неподвижно сидеть. Только глазами наблюдал за отцовскими руками. А отец вынул клочок ваты из бумажного пакета, обмакнул ее в пузырек (это, оказывается, йод был) и начал мазать Женькино ухо.

Колька шепнул мне:

— Неужели будет ухо щипцами?..

Тут мы с Колькой подошли поближе и заметили, что у Женьки в нижнем конце уха торчит, как серьга, маленький уклеечный крючок.

А Женькин отец взял кусачки, наставил на удочкино ушко — щелк! — и откусил. Свободно вынул крючок из Женькиного уха и сказал:

— Вот ты и свободен!

Женька улыбнулся и сразу встал со скамейки, подошел к нам.

— Где это ты клюнул? — спросили мы его.

Женька махнул рукой на сарай:

— Там... Искал старый самовар. А там как раз удочки размотались, и я подсекся.

— Ну ничего, — сказал я. — Это бывает. Дед Щукарь даже губой цеплялся. Пройдет.

— Это пройдет! — поддержал Колька и тут же спросил:

— Ну, а как же насчет лома?

— Да, — сказал я Женьке, — мы ведь за тобой, лом собирать все-таки надо.

Теперь уже все трое решили идти к Кольке за тележкой.

Тележка была хорошая, с бортами и с большими колесами. На такую можно много положить, и везти не тяжело. Но вот, главное, где взять лом?

У Кольки во дворе ничего подходящего не находилось. Только бездонный чугунок и обломок рельса. Я говорю:

— Поищем давай получше.

Стали искать везде — и отыскалась старая велосипедная цепь, и педаль с зубчаткой, сапожок от тракторной гусеницы, самоварный кран, зуб бороновый. Но это почти совсем ничего. Колька расстроился, а потом вынес из чулана трехколесный велосипед. Все равно велосипед был старый, краска кое-где облупилась. Мы поставили велосипед на тележку, хотели уезжать, а Колькин братишка, Витек, увидел да как заорет:

— Куда вы? Я на нем кататься буду! Это мой!

Колька прямо рассердился и тоже как закричит:

— На! Бери свою частную собственность! И откуда только пережитки берутся!

Витек схватил велосипед обеими руками и опять орет:

— Ты сам пережиток!

Он, конечно, еще маленький и не понимает, что частная собственность — это пережиток. А тут откуда ни возьмись — Колькина мать. Совсем некстати рассмеялась и говорит:

— Велосипед — это не частная собственность. Это необходимый предмет личного пользования.

Мы не стали спорить, потому что нам было некогда. А мать почему-то раздобрилась и вынесла нам из сарая старый умывальник. Тяжелый! Килограмма четыре потянет. Цветной металл! Даже лучше велосипеда! Она посоветовала нам поехать к дяде Кузьме. Дядя Кузьма живет недалеко, на нашей улице. Приехали к дяде Кузьме, я и говорю:

— Дядя Кузьма, у вас есть лом?

Дядя Кузьма газету читал.

— Лом? — говорит. А сам почему-то удивленные глаза на нас через очки уставил:

— У меня, — говорит, — даже два лома есть. А вам зачем?

Тогда я и сам удивился.

— Как два? — говорю.

Тут Женька вступил в разговор:

— Нам нужен лом. Мы собираем...

— Ах, ло-ом?! — догадался, наконец, дядя Кузьма. — Ну так бы и говорили: металлолом! А я-то подумал, вам нужен тот лом, которым камни из земли выворачивают... А металлолома у меня сколько угодно, пожалуйста. У вас какой транспорт?

Мы вкатили во двор тележку и стали накладывать в

нее все, что нам давал дядя Кузьма. Тут были и старые железные колеса от плугов, и какие-то кривые железные оси, и много разного другого лома.

Мы спросили, откуда у него столько железа. Дядя Кузьма рассказал нам, что когда-то слесарил дома, отец его тоже слесарем был, вот и набралось железо возле бывшей домашней мастерской.

Я глянул на дядю Кузьму и вспомнил, что еще зимой видел в районной газете его портрет. Дядя Кузьма — лучший колхозный токарь.

Он помог нам грузить. Наклали полную тележку, а железа еще осталось тележки на четыре.

— Приедем еще! — сказали мы.

— Приезжайте, приезжайте! — пригласил дядя Кузьма.

Школа недалеко. Мы до вечера еще четыре раза съездили. Оказалось, мы, из всего класса больше всех привезли металлолома. Альбина Матвеевна сказала, что из нашего железа можно сделать целый тракторный плуг да еще и на другой останется!

— Ого! — воскликнул Колька. — Это совсем не то, что Витькин велосипед. Вот это — лом!

Как мы делали портреты

Мы с Женькой шли мимо клуба. Дверь была открыта, и мы зашли, а там — заведующий клубом Иван Федорович натягивает на большую раму красную материю и говорит нам:

— Помогайте, ребята!

Мы стали помогать. Натягиваем материю, а он гвоздиками прибавляет. Потом говорит:

— Втроем лучше получается!

Мы спрашиваем:

— А зачем это, Иван Федорович?

Он объясняет:

— Это будет витрина, здесь будут наклеены портреты передовых людей нашего колхоза.

Он вынул из папки фотокарточки и разложил на красную материю, которую мы только что все вместе натянули.

— Разве это портреты? — сказал я.

А он говорит:

— А что же это такое?

— Да какие же это портреты? Тут туман один. Так разве печатают настоящие карточки?

И опять говорю:

— Стыдно будет такие портреты вывешивать в клубе да еще на красном полотне.

А Иван Федорович:

— Я и сам вижу, что портреты — дрянь.

— Конечно, дрянь! — подтвердил Женька.

Тогда я предлагаю:

— Так давайте мы сделаем.

Он удивился и спрашивает:

— Кто это — «мы»?

Я говорю:

— Да вот мы с Женькой.

— А умеете?

Мы вдвоем с Женькой уверяем:

— А то! Мы в фотографическом кружке состоим второй год!

Иван Федорович от радости даже в ладоши хлопнул:

— Решено! Запасайте ваши инструменты, завтра заеду за вами.

Утром, только успел молока выпить — сигнал у двора. Выбегаю — машина стоит, «Волга» — наша, колхозная. Иван Федорович открыл дверцу, выходит и говорит:

— Ты готов? Поехали за твоим напарником и айда делать портреты.

В машине рядом с шофером — Иван Федорович, а сзади — мы с Женькой. Шофер — дядя Алеша. Как выехали за село на хороший грейдер, машина побежала так, что ветер над кабиной зашуршал. Дядя Алеша медленно поворачивает руль, а сам интересно рассказывает про реактивные самолеты, про перегрузки разные, когда даже руку трудно поднять и рот никак не закроешь: такая тяжелая челюсть делается. Он в авиационной части служил в армии, на реактивных самолетах летал.

Едем — а поля, как золотые, потому что поспела пшеница. Ее уже косят лафетами и комбайнами, и где скосили, она лежит ровными рядками. Поле — будто тетрадь разлинованная. Остатки после скошенной пшеницы стоят щетками. Это стерня. Со стороны глянешь — строчки.

Мы еще долго ехали и разговаривали. И вот, наконец, впереди показался красный флаг. Он ясно виден на голубом небе и белых-белых облаках. Мы подъехали к дощатому вагончику, в котором живут в поле трактористы и комбайнеры. Поодаль от вагончика, под большим котлом, — костер. Около него, на столе, что-то готовит повариха. Под навесом — большущая деревянная кадка, недавно, видно, выстроганная. Кадка с водой. Мы открыли с Женькой деревянную крышку и по очереди напились из большой алюминиевой кружки. Хороша холодная вода, как раз в жару пить. Ее сюда возит дед Леньки Щепкина, того самого, который больше всего про шпионов любит читать. А деда зовут Пантелей Пантелеевич. Три раза на день возит он на стан воду, чтобы всегда была свежая и холодная и чтобы всегда хватало. Он очень заботливый, суетливый дед.

Женька предлагает:

— Его тоже нужно сфотографировать!

Я говорю:

— Надо с Иваном Федоровичем посоветоваться, у него есть список, кого снимать.

Женька говорит:

— А мы и без списка. Дед же хороший!

Я соглашаюсь:

— Ладно, давай!

А тут как раз видим: выезжает из-за лесополосы пара лошадей, в передке, на ящике с пружинами, сидит Пантелей Пантелеевич, а сзади две бочки лежат, уплещенные водой.

Я Женьке:

— Давай аппарат скорей!

А сам водовозу:

— Дедушка, не шевелитесь!

А дед не понял, рассердился и как закричит на меня:

— Что это еще за шутки над стариком!

Но когда он поехал в ящик и стал искать кнут в соломе, я заговорил быстрее, чтобы успеть объяснить, пока он меня не опоясал:

— Дедушка Пантелей Пантелеевич! Мы вас снимем!

Тут Женька подоспел с фотоаппаратом. Дед увидел наведенный на него фотоаппарат, понял в чем дело, заулыбался, и усы его разъехались и приподнялись на концах. Он улыбается, а сам говорит:

— Экие ноне пошли мальцы смышленные! Молодцы, молодцы!

В вагончике Женька сказал мне:

— Отличный получится дед! Сидит с вожжами и с кнутом и улыбается. Настоящий водовоз, не хуже, чем из кинофильма «Волга-Волга»!

Мы пробыли на стане еще часа два, наверно. Сделали много снимков трактористов и комбайнеров. Учетчика Ивана Петровича Танькина тоже сфотографиро-

вали. У учетчика трудная работа: он целый день ходит пешком по полям, замеряет, кто сколько скосил, кто сколько намолотил, а к вечеру приходит в вагончик и считает, и начисляет трудодни.

Надо было еще сфотографировать комбайнера Антона Ежова. Он как раз водил в поле комбайн, но скоро — смена. Мы с Женькой пошли прямо по стерне встречать его. Когда комбайн остановился, мы попросили Ежова умыться и объяснили, что будем его фотографировать сейчас же, возле комбайна.

Он сказал:

— Есть умыться!

Штурвальный подал ему со своего мостика термос. Ежов смыл пыль с лица, причесался капроновой расческой. Женька дал мне аппарат, и я сфотографировал Ежова один раз, потом на всякий случай еще два раза.

Мы вернулись на стан и, пока Иван Федорович помогал в отряде выпускать «боевой листок», искупались в ближнем пруду, вместе с дядей Лешей залили воды в радиатор, а потом все отправились в другой отряд.

По пути проехали плотину через пруд, в котором только что купались.

— Ежов пруд! — сказал Иван Федорович.

Я спросил:

— Почему Ежов?

А Иван Федорович:

— Потому, что делал его Ежов со своим тракторным отрядом.

И добавил:

— Отец того самого комбайнера, которого вы сфотографировали.

— Вот это здорово! — воскликнул я.

И Женька тоже:

— Очень интересно!

Я спросил:

— А кто же так назвал пруд?

— Да все назвали, — ответил Иван Федорович. — Колхозники назвали. Так и пошло.

Мы с Женькой оглянулись и еще раз посмотрели на пруд. Большой и красивый пруд, а по берегу высокие раскидистые ветлы.

В тот день мы еще много изъездили. Были и на плантации, и на закладке силоса, и на элеваторе — и везде фотографировали. Здорово пришлось потрудиться. Две пленки отсняли!

Когда с полей все убрали, в колхозе праздник урожая был. В клубе народу полным-полно. И на самом видном месте — доска с портретами лучших колхозников нашей артели. Все приходят, смотрят. И мы приходим — смотрим и слушаем. Жаль только: никто не знает, что фотографии делали мы с Женькой.

Про Казана

Вчера мы с Колькой и с Женькой выпросили у Женькиного отца лодку. Сначала мы хорошенько искупались, а потом поехали кататься. Интересно плыть по реке! В воде облака отражаются и лес, и крутой берег. А где речка неглубокая, видно даже, как рыбы плавают и раки сидят на дне. Мы едем не спеша, кое-где и веслами не гребем, и нас несет по течению.

Проплываем мимо зарослей черемухи — Колька говорит:

— Давайте нарвем!

Мы каждый год едим черемуху, когда она поспеет, и предложение Кольки нам понравилось. Мы завели лодку в небольшой заливчик и там привязали ее к ветлам. А сами поднялись на склон, к черемуховым кустам. Тяжелые кисти висят с мясистыми крупными яго-

дами. Мы рвем и едим, и стреляем в листья косточками. Возьмешь косточку большим и указательным пальцами, надавишь — и она выскакивает и летит, куда прицелишься. Потом Колька говорит:

— А вон Казан едет!

Глянули — правда, он. Кургузый и толстый, орудует длинным веслом.

Казана никто из нас не любил. По-настоящему его звали Данилой Прокофьевичем, но в селе у нас его если так назвать, то не всякий сразу догадается, о ком разговор. Его все Казаном зовут, потому что он толстый и пузатый, будто целый казан, то есть большой котел, каши съел. Раньше мы о нем ничего особенного не думали, а теперь мне про него даже и думать не хочется. Это вот почему: он тополь срубил.

А было так. Живет этот Казан на самом краю села. Недалеко от его дома стоял тополь. Мы всегда, как шли с ребятами с поля, отдыхали под тополем, он был высоким, тенистым — сидеть под ним лучше, чем в шалаше. И вот Казан его срубил. Мы пришли — тополь уже валяется. Казан только ветки обрубаёт. Ветками после плетень починил у своего огорода, а толстый ствол положил возле плетня и сидит на нем, курит и хмурится.

Мы с ребятами говорим Казану:

— Зачем срубили наш тополь?

А он отвечает:

— А вы его сажали?

А он-то его сажал? Тополю, папа говорит, сто лет. А Казану всего только пятьдесят. А хоть бы и сажал! Тополь-то рос для всех ведь!

Теперь этот Казан работает сторожем в колхозном саду.

Я говорю:

— Интересно, чего он едет домой?

А Женька говорит:

— Наверно, за продуктами.

Мы находились как раз в самом конце села, над Казановым огородом. Сидим, смотрим из кустов: Казан подъезжает ближе, а в лодке — мешки полным-полные. Что он везет?

— Яблоч нахапал! — догадался Женька.

Так и есть, яблоки. Потому что, когда он причалил лодку и стал выгружать мешки, самый большой немного развязался и несколько яблок выкатилось. Он их собрал, только одно укатилось в воду и поплыло. Хотел Казан было достать и его, но махнул рукой, потому что был занят мешками. Целых три больших мешка самых хороших яблок! Запрятал он мешки в заросли ветел. Конечно, он их вечером заберет домой, а завтра Казан поедет на базар продавать яблоки.

Мы сидим, наблюдаем. Казан замаскировал мешки и пошел вверх по огороду, домой. Мы скорей в лодку — да в село.

Женька спросил:

— Кому будем говорить?

И мы решили, что Ивану Федоровичу. Он хоть завклубом, но ему до всего дело, и потом он дружинник.

Разыскали Ивана Федоровича. Он как раз только что с поля приехал. Так и так, говорим ему. Он — сразу с нами.

Когда мы все четверо пришли к Казану, его дома уже не было. Иван Федорович спрашивает у бабки Фроси:

— Данила Прокофьевич дома?

Бабка тащит за рога козу в хлев, а сама говорит:

— Только что был. Взял продуктишков и опять в сад уехал.

Мы пошли к берегу, разыскали мешки. Во всех трех мешках — самые отборные яблоки.

Мешки в тот же вечер погрузили на машину и отправили на колхозный склад.

Казана потом судили общественным судом. Народу собралось полон клуб. Общественный судья как начал задавать вопросы — Казан и голову опустил. А потом сами колхозники стали стыдить.

— А ну-ка повернись к народу лицом! — шумят.

Он повернулся, а глаза поднять — никак! Стыдно глядеть на людей.

— Это ему за все. И за тополь наш! — шепнул мне на ухо Женька.

Я с удовольствием кивнул головой.

Казану вынесли общественный выговор, а из караульчиков выгнали, чтобы не разворовывал колхозное добро.

Разве не говорят вещи?

Вчера я копался в своем книжном сундучке. Там у меня и карандаши, и осколок магнита от трактора, и много чего другого. И вдруг нашелся коробочек со счетными пластмассовыми палочками. Их папа мне купил, когда я еще в первый класс ходил. Я позвал папу и говорю ему:

— Папа! Гляди, вот те самые палочки, за которые мне зуб вырвали!

Папа удивился:

— Как так?

А дело было очень просто. Я никак не соглашался выдернуть больной зуб. И как раз увидел в культмаге эти палочки и пристал к папе: «купи да купи». Папа говорит: «Лучше сходим сначала в клинику, зуб выдернем, а потом придем и купим».

Папа вспомнил и говорит:

— А я уже забыл об этом!

— Я, — говорю, — тоже забыл, это мне палочки напомнили.

— Это бывает, — сказал папа. — Вещи, брат, способны говорить. Но лучше всего они говорят о тех, кто их делает. Человек в каждой вещи, когда ее делает, немножечко оставляет самого себя.

Я ничего не понял тогда. А сегодня утром проснулся, встал с кровати и сразу сообразил, о чем вчера говорил папа. Знаете, почему сообразил? Потому что наступил на коврик. Маленький вязаный разноцветный коврик. Он всегда лежит возле моей кровати. Раньше его у меня не было, а потом приехал в наше село новый лесничий, а у него жена — тетя Оля. Она и научила маму, как из ненужных тряпочек вязать интересные коврики. Как выходной — тетя Оля и мама нарвут тонкие полоски разноцветной материи, смотают в клубки, а потом деревянными крючками вяжут. Мама связала целых два коврика: один мне, другой Туське. Лесничиха тетя Оля давно уехала из нашего села, а все-таки я, как наступлю утром на коврик, так ее и вспоминаю.

А вот еще. Я очень люблю играть на моей мандолине. А знаете, кто ее делал? Ее сделал мне колхозный пчеловод, дядя Ваня, когда я был еще маленький. Я хорошо помню, как мы с ребятами ходили к нему на пасеку. Пасека была тогда недалеко от села, возле реки. Мы ходили на пасеку потому, что очень любили слушать, как дядя Ваня играет на скрипке. Иногда к нему из соседнего села приходил его товарищ. Я сначала удивился, что у таких старых тоже есть товарищи, а потом привык. И когда этот товарищ приходил, всегда приносил с собой скрипку. Он и дядя Ваня садились у шалаша под яблонями и начинали играть. Как поведут смычками — сразу как будто в волшебной сказке очутишься, и кругом все делается до того красиво и так здорово! Эх и музыка! Мы с ребятами лежим около, на

траве, и не шелохнемся. Я целый день так бы и слушал, так бы и слушал!

Дядя Ваня не только хорошо играл, а еще и сам умел делать скрипки. Он клубу подарил целые три скрипки своей работы. А мне он сделал эту мандолину, потому что я очень люблю музыку. Я играть еще плохо умею, совсем не так, как дядя Ваня на скрипке, а все-таки как стану играть на мандолине, так сразу дядю Ваню вспоминаю, хоть его давно уже и нет.

Разве не говорят вещи? Еще как говорят!

Про чудного цыпленка

Вечером мы с Колькой долго печатали у нас в кухне карточки. На дворе стало уже темно, Колька собрался домой. Я отдал ему все его карточки, которые мы успели с ним напечатать. Кое-какие уже высохли, а четыре я вынул из закрепителя, сполоснул водой, положил на газету и аккуратно скатал в трубочку.

Когда он ушел, я опять стал печатать. Вложил пленку в увеличитель, навожу изображение на бумагу, а сам слышу: где-то совсем недалеко кто-то пискнул. Я подумал: «Наверно, за окном». Потом, немного погодя еще слышу:

— Пить-пить-пить, — тоненьким голоском.

Не залетел ли воробей или еще какая птица? Может быть, Колька, когда уходил, дверь оставил открытой, а какая-нибудь птичка увидела свет — и запорхнула. А может быть, в форточку? Жарища такая от увеличителя, что я форточку несколько раз открывал.

Включил свет. Обыскал во всех углах, под столом, на полке с чашками и банками из-под какао, за сундуком посветил фонариком — нигде никаких птиц не нашел. Я подумал: «Наверно, за оконным наличником,

снаружи, воробьи вывелись». Стал опять печатать и проявлять. Уже напечатал фотографию, на которой Валерка соседский в автомобильной крышке: уперся во все стороны руками и ногами и смеется, а Женька его катит по площади. Чудо! Это у нас вроде центрифуги, как у космонавтов.

Вдруг опять пискнуло где-то рядом, мне показалось, что совсем где-то под руками, или под чашкой с проявителем. Но этого, конечно, не может быть, и я снова включил свет и стал опять тщательно все проискивать. Посмотрел в маминих туфлях и ботах, в бабушкиных калошах, в Туськиных тапочках — нигде никаких птенцов не нашел. На всякий случай открыл шкафчик в столе, где у нас хлеб, но сам же знаю, что напрасно тут искать, а так просто, на всякий случай обшарил. Конечно же, ничего не нашел. И тут уж меня разобрало настоящее любопытство. Не может этого быть, чтобы я не узнал, в чем тут дело! Прекратил печатание, сел на стуле тихо-тихо и стал слушать. Сидел-сидел — ничего не слышно. А все-таки сижу, слушаю. Еще прошло несколько минут, можно бы напечатать целых шесть Валеркиных карточек — вдруг пискнуло. Мне опять показалось, что на столе, под чашкой с проявителем. Я встал, тихо-тихо наклонился над проявителем, думаю, может быть, какая реакция происходит. Слушаю:

— Пить-пить-пить...

Птенец пищит, это точно! Поднимаю тарелки, вожу ухом над столом, ищу. Выдвигаю ящик в столе. Торчат зеленые ростки из луковицы; яйца лежат куриные, бабушка днем положила. Выдвигаю до самого края — ничего больше нет. А оно опять:

— Пть-пить-пить...

Тронул одно яйцо и с испугу руку отдернул. Не с испугу, а просто от неожиданности, потому что как раз в это время пискнуло. Прислушался к этому яйцу.

Ну, точно! Это в нем пищит! Я повернул яйцо. А в нем уже проклевана изнутри скорлупа. Взял я его теперь безо всякого в руки, приложил к уху, слышу:

— Тук-тук-тук...

Стучит цыпленок, старается, пробивает скорлупу. А на отдыхе попискивает. Хотел я ему помочь — разломить пошире скорлупу, но вспомнил, что нельзя. Бабушка еще давно говорила, что так можно повредить цыпленка.

Откуда взялся этот цыпленок в столе? Что за чудеса?

Пошел к бабушке, разбудил ее потихонечку и говорю шепотом, чтобы Туську не разбудить:

— У нас цыпленок в столе вывелся.

А бабушка:

— А?

Я опять:

— У нас, — говорю, — вывелся в столе цыпленок.

А бабушка подняла голову и спрашивает:

— Цыпленок?

Я говорю:

— Да, цыпленок вывелся!

Но бабушка спросонья никак не поймет:

— Какой цыпленок? Где?

Я объясняю:

— В столе вывелся.

Но бабушка все равно ничего не понимает и начинает вставать.

Пришли в кухню, показываю бабушке это удивительное яйцо. Бабушка взяла его, приложила к уху:

— Правда, цыпленок.

Она сразу догадалась, как это получилось. Оказывается, из гнезда, где куры несутся, никогда не брали все яйца до одного, одно всегда оставляли для приманки. А получилось так, что оставалось всегда одно и то

же яйцо, и курицы, которые приходили в гнездо нестись, по очереди грели и грели его и, наконец, высидели цыпленка. А вчера бабушка взяла яйца, и на этот раз в гнезде осталось другое яйцо, а высиженное очутилось в столе. Хорошо еще, что его не сварили. Хорошо, что я тут карточки печатал и все обнаружил.

Я говорю:

— Теперь надо его выводить до конца.

Принес коробочку и говорю:

— Положу его вот сюда, в вату, и поставлю около электрической плитки, пусть греется.

А бабушка сказала:

— Да нет, этак как бы у тебя цыпленок не сжарился. Я его лучше отнесу под наседку.

А у нас в сарае в самом деле наседка сидела. Она, правда, не настоящая наседка, потому что под ней не было яиц, но она квохтала и хотела сидеть. Ее мама и водой холодной поливала, и в погреб сажала, чтобы отвадить от сиденья, а она все-таки сидит.

Бабушка оделась, и мы пошли в сарай. Я с фонариком, а бабушка — с яйцом. Наседка злая, не подпускает, но я ей в глаза навел фонариком точку, она ничего не видела и подпустила, хотя и верещала. Бабушка быстро подложила под нее яйцо, а она, наверно, обрадовалась даже, попробовала его клювом, подкатила под себя, чтобы яйцу удобнее было, и успокоилась. Мы ушли, и я скоро уснул.

А утром, когда я только проснулся, бабушка подошла ко мне и говорит:

— Цыпленок вывелся.

Я вскочил и говорю:

— Да ну?

А бабушка продолжает:

— Хорошенький цыпленочек! Уже наседка с ним ходит.

Я побежал посмотреть. Правда: хорошенький желтенький цыпленочек бегаёт, попискивает, а наседка все время: «квох-квох-квох!». Голос у нее серьезный и твердый какой-то.

Так и водила она его одного. Целое лето ходила с ним. Очень хорошая наседка попалась. Он уже большенький вырос, уже на курочку стал похож, а она его все не бросает. Когда холодно, станет с ним где-нибудь под забором, а цыпленочек под нее спрячется, топчется, зароется в перышки и дремлет, а сам себе поет:

— Тюрлю-тюрлю-тюрлю-лю-лю-лю.

Так и выросла хорошенькая хохлатенькая курочка. Сама беленькая, а хохолок немного коричневый.

Дед Анти Героический

Ему почти сто лет. Он живет недалеко от речки, в небольшой избушке. Живет один, бабка давно умерла. Сам и варит, и печет, и стирает белье, воды из речки мы ему приносим. А такой разговорчивый, что не уйдешь от него. Некоторые взрослые прямо-таки боятся с ним на улице встретиться, потому что, если поздороваешься с ним, он обязательно о чем-нибудь спросит — и придется ответить, а уж раз ты чуть-чуть остановился — он начнет что-нибудь рассказывать. А уж раз начнет рассказывать — то все! Конца не будет. Даже не заметишь, где точка должна быть. Один рассказ кончает — незаметно переходит на другой, и так пошел и пошел — и без остановки. Бабушка говорит, это он потому такой разговорчивый, что один живет. Он ведь наскучается один, поговорить ему не с кем, вот и рад, если кто встретится. Если кто застенчивый, то дед может до вечера продержаться. Он сколько хочешь проговорит!

Мы с Женькой да с Колькой любим слушать расска-

зы дедушки Антипа. Вечером наденем отцовские фуфайки, чтобы можно было закутаться чуть не с ногами, — одни головы торчат, сядем возле избы дедушки Антипа, а он — рядом, на старой дубовой колоде, и начнет он нам рассказывать всякие истории. Курит трубку, а сам говорит:

— Теперь самолет, к примеру, это — тьфу! Это уже все равно, что мне вот трубку разжечь, потому что мы даже в космос проникли на ракетах! А раньше? Скажи какому старику, какой лет двести назад жил, — скажи ему, что сейчас железо летает... Хоть бы самолет: тонна весом, а летит. Да он не поверит! Скажет: «Что ты! Иголка, гвоздь — и то — брось их — они на землю упадут, а то чтобы тонна летала!»

Я однажды спросил:

— Дедушка Антип, а почему наше село Березовкой называется?

Колька тоже:

— Правда, почему? В наших лесах ни одной березы нет, а Березовка?

Дедушка сказал:

— Это очень давно было. Я в ваших годах от стариков узнал. В той низине, где нынче Кировская улица начинается, возле моста, раньше было большое-пребольшое озеро. И росла кругом березовая роща. И осины тоже. На осинах орлы гнезда вили. Но больше было берез. И потому наше село и называется Березовкой.

Мы спросили:

— А куда же делись березы?

А дедушка:

— Не могу точно сказать, куда они делись. Может быть, их вырубил, а может быть, и сами посохли. А осины кое-какие и до сих пор есть, вы мимо них каждый день в школу ходите.

Дедушка Антип еще много интересного нам расска-

зывал. Например, как землю раньше делили. Ее делили один раз на целые тринадцать лет — на каждую душу. А если кто родился после раздела, то все равно тринадцать лет на него не давали земли.

Про свою жизнь рассказывал. Хлеба не хватало в семье. Как подходит март — хлеба уже нет. У богатых занимал. Зато платить приходилось наполовину больше.

Дедушку Антипа в селе почему-то зовут Героическим. Мы с Женькой и с Колькой однажды пришли к нему вечером, сели, как всегда: дедушка на колоде, а мы на траве, — Женька и спрашивает:

— Дедушка, а вы не обидитесь?

А он:

— Это за что?

А сам свои длинные, как у Тараса Бульбы, усы приглаживает.

Женька опять:

— Если мы вопрос зададим.

А дедушка:

— Уж так и быть, задавайте.

Тут Женька смелее:

— Интересно, дедушка, почему вас так прозвали?

А он:

— Героическим-то?

Мы от неожиданности, что так ловко получилось, ответили все разом:

— Ага! Да, да!

Дедушка подумал немножко, потом:

— Ничего такого заковыристого тут нету.

И он рассказал.

В войну он работал продуктовозом в тракторном отряде, в своем колхозе. Один раз перед началом уборки бригадир доверил ему отвезти для комбайнов в поле огнетушители. Ехал-ехал дедушка Антип, еще не выехал

из села, как нечаянно на кочке телегу трянуло, один огнетушитель стукнулся и зашипел. Струя пены вырвалась из отверстия. Дедушка как глянул — так и ахнул. Он никогда раньше с огнетушителями дела не имел, испугался. Вскочил в телеге на ноги и давай стегать лошадей. Лошади в галоп. Дедушка оглянется — шипит огнетушитель! — и опять лупит что есть мочи. Лошади в мыле, вынесли телегу за село метров на пятьсот. Тут только дед притормозил...

Вот какая была история.

Все это дедушка Антип рассказал очень интересно. Мы так смеялись, что повалились на траву. Потом Колька спрашивает:

— Дедушка, наверно, вы здорово напугались?

А он:

— А что ты думаешь? Мог бы ведь село спалить! Взорвался бы огнетушитель — вот те и пропало бы село!

Как ни старались мы растолковать дедушке Антипу, что от огнетушителя не может быть пожара, — он и слушать не хотел.

Он и до сих пор верит, что жертвовал жизнью за свое село!

Мы потом думали-думали и решили, что, может быть, это и на самом деле героический поступок. Ведь если бы это был не огнетушитель, а бомба — ясно, дедушка Антип все равно бы умчал ее на своей телеге подальше от села. Все равно ведь он не знал, что огнетушитель не взорвется!

Тут смеяться нечего. Вот какой у нас дедушка Антип.

Да и называют дудушку Героическим вовсе не для того, чтобы над ним посмеяться. Любят дедушку в деревне и знают, что он может стать героем не только в шутку, а и всерьез... если понадобится.

Это просто удивительно! К концу третьей четверти так устанешь от уроков, что думаешь, и не дождешься каникул. Весенние каникулы у нас бывают в разное время. Все зависит от весны. Если весна ранняя — значит, раньше. А если весна запоздает — то и каникулы поздние. Потому что иначе нельзя: разольется река, по улицам вода пойдет, грязь по колено — вот как раз в это время у нас и бывают каникулы.

А после каникул — и вовсе не сидится. Уже настоящая весна! В мае выйдешь на перемену — за речкой лес зеленый, соловьи свистят! Целый день бы гулять, а тут уроки.

А этой весной сидим на уроке рисования, слышим: трактор гудит, да так сильно, что даже стекло в окне дребезжит. Звонок на перемену — и все выбежали во двор. На площади, возле школы, странная машина стоит: похожа на трактор, только сзади у нее хобот. Но это не кран, которым грузы поднимают. Оказалось, это землеройная машина. Такую машину я видел в прошлом году на нашей колхозной молочной ферме. Она там копала траншеи для труб, по которым вода с речки теперь бежит прямо в коровник, в автопоилки.

Ребята вокруг машины собираются, тут и директор наш, Роман Ильич, и все учителя.

Машинист сел в кабину и стал выкручивать на ленту, обозначенную колышками. Колышки эти накануне установил дяденька из райцентра, он тут целый день работал, протягивал стальную ленту с делениями, вбивал железные стержни, а потом вместо них ставил деревянные колышки. А еще дня на два раньше приезжали сюда двое мужчин в военных шинелях и о чем-то долго говорили с Романом Ильичем. Они ходили по площадке, размахивали руками и, широко шагая, от-

считывали метры. Оказалось, что это были пожарники. А еще раньше были врачи. И все говорили о будущей новой школе.

Вот так и началось строительство новой школы!

Машинист вырулил машину и стал опускать хобот. А на хоботе движутся сверху вниз ковшки с острыми зубами. Когда хобот коснулся земли, ковшки стали царапать землю. Хобот погружался все глубже, и стала получаться траншея глубиной в метр или чуть больше. Ковшки все врезаются в землю, а потом вычерпывают ее, и земля выбрасывается сбоку, рядом с траншеей. Ровная получается траншея.

Вокруг собрались все, кто недалеко живет. Кто из магазина идет, тоже останавливается, смотрит. Даже Илья Егорович из своей почты вышел и тоже немножко постоял. Пришла и бабушка с Туськой. Всем хочется ведь посмотреть, как начинают строить новую школу.

Интересная это была перемена.

Но зазвенел звонок, и мы неохотно зашагали в класс.

Весна проходит быстро. Жалко! Оглянуться не успеешь — уже лето. Летом, конечно, про уроки никто и не вспоминает. В этом году мы с Колькой, да и почти все ребята из нашего класса, работали на току, грузили машины зерном. Это просто: подходит машина к самопогрузчику, моторист включает мотор, самопогрузчик начинает гнать зерно, а мы лопатами к нему из вороха зерно подваливаем. Зерно сыплется в кузов, а кто-нибудь из нас рассовывает его ровно по всему кузову, чтобы больше зерна поместилось. Очень интересная работа!

А кругом во все стороны далеко видно. Вот куда городским ребятам приходится смотреть линию горизонта!

Когда выходим помидоры полоть, часто бываем у дяди Паши. Дядя Паша — моторист, он следит за мо-

тором, который гонит по трубам воду Терсы на колхозные поля. Как нарабotaемся — сразу к дяде Паше. У него недалеко от двигателя душ устроен. Воду можно пустить хоть какую — хоть холодную, хоть горячую, хоть теплую.

Вообще наше село — красивое. За рекой, в лесу, растут ветлы и дубы. А в одном месте — даже целый еловый бор. Говорят, что в этом бору можно построить настоящий курорт. Вот бы здорово было!

Из города к нам приезжают люди и говорят:

— Какой у вас воздух хороший!

Это верно. Особенно когда с полей и огородов все постепенно свезут. В воздухе начинает пахнуть арбузами, морковью, помидорами. Бабушка варит очень вкусные щи, и я с удовольствием иду обедать и не выбегаю раньше времени из-за стола... Ну, одним словом, приближается осень. Дороги делаются накатанными, твердыми, лишнюю пыль с них ветром сносит. Слышно становится дальше, звуки громче, как в пустой комнате, когда мама с папой перед побелкой вынесут все ковры, диван и перины. В речке видно глубже, потому что вода прозрачнее: все водоросли на дно ушли. В садах снимают яблоки.

И вот ведь, я говорил, что к концу третьей четверти так устанешь от уроков, что думаешь, никак и не дождешься каникул, — а в эту пору вспоминается опять школа. Это просто удивительно! Не то, что с неохотой, а с интересом вспоминается. Уже хочется учиться. Я даже чувствую, как пахнут бумагой и краской новые учебники. Снова хочется в школу — слушать уроки, писать сочинения...

Удивительно!

Я говорю Кольке:

— Скоро в школу!

А он:

— Знаю. Интересно, в каком классе нас будут учить?

Мы смотрим на новую кирпичную школу и стараемся угадать, где будут окна нашего 5 «б» класса.

СОДЕРЖАНИЕ

Кто как книги выбирает	3
Высотный почерк	7
Что такое лом	12
Как мы делали портреты	16
Про Казана	22
Разве не говорят вещи?	25
Про чудного цыпленка	27
Дед Антип Героический	31
Окна нашего класса	35

Юрий Михайлович Щербаков
ВЫСОТНЫЙ ПОЧЕРК

*Для учащихся
3—5 классов*

Редактор А. Е. Калинин
Художник П. П. Островский
Худож. редактор Б. К. Сивец
Техн. редактор С. И. Ижболдина
Корректор Ю. И. Холкина

ИМ 05834. Сдано в набор 20/IX-65 г. Подписано к печати 18/XI-65 г. Бумага 60×84¹/₁₆. Бум. л. 1,25. Печ. л. 2,3. Уч.-изд. л. 1,63. Т. 15000. Заказ 9241. Цена 6 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство,
Волгоград, ул. КИМ, 6.
Областная газетно-книжная типография
управления по печати.
Волгоград, Привокзальная площадь.

Обложка отпечатана на офсетной
фабрике управления по печати
Волгоград, ул. КИМ, 6.